

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(5)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-61-71

В. Ю. Башкуев

РОЛЬ СИНЬЦЗЯНА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И СССР В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

В статье рассматривается геополитическое и экономическое значение китайской провинции Синьцзян для внешней политики Российской империи и СССР в конце XIX – первой половине XX в. В силу отдаленности от центров власти в Китае и постоянной политической турбулентности региона отношения России и Синьцзяна в обозначенный исторический период, в основном, анализируются как двусторонние. Выделяется значение Синьцзяна как буферной территории в периоды обострения политической борьбы в провинции, а также в период русских революций и гражданской войны. Особое внимание уделено развитию геополитических отношений Синьцзяна и СССР в 1920–1940-х гг., когда по территории провинции проходил единственный наземный путь советской военной и экономической помощи правительству Гоминьдана в борьбе с Японской империей.

Ключевые слова: Синьцзян, Восточный Туркестан, Джунгария, мусульманские восстания, дунгане, уйгуры, ойраты, геополитика, СССР.

V. Yu. BASHKUEV

THE ROLE OF XINJIANG IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA AND USSR IN THE CENTRAL ASIAN REGION (SECOND HALF OF THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES)

The article considers geopolitical and economic significance of Chinese province of Xinjiang for the imperial Russian and Soviet foreign policy in the late 19th – first half of the 20th centuries. Due to the remoteness from the seats of power in China and constant political turbulence of the region, the relationships between Russia and Xinjiang in the specified historical period are mostly regarded as bilateral. The author highlights the meaning of Xinjiang as a buffer territory during the periods of political turmoil in the province, as well as during Russian revolutions and the Civil War. Special attention is paid to the development of geopolitical relations between Xinjiang and USSR in the 1920s – 1940s when the only land route for the Soviet military and economic assistance to the Kuomintang government in a struggle against Japan ran through the territory of Xinjiang.

Keywords: Xinjiang, East Turkestan, Dzungaria, Muslim uprisings, Dungans, Uyghurs, Oirats, geopolitics, USSR.

Крайний запад Китая – беспокойная многонациональная провинция Синьцзян в XIX – первой половине XX в. играла важную роль как во внешнеполитической стратегии Российской империи и СССР в Центральной Азии, так и

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнографии и социологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (Улан-Удэ, Россия). E-mail: seva91@yahoo.com.

во внутреннем политико-экономическом развитии сопредельных российских/советских территорий – среднеазиатских республик, Семиречья, сибирских регионов. Во многом значение Синьцзяна объясняется религиозной и культурно-исторической общностью населяющих его и пограничные области России/СССР народов. Оседлое тюркское мусульманское население Синьцзяна, как и Средней Азии, в дореволюционной российской традиции именовалось сартами. Обе стороны границы были плотно заселены кочевыми тюркскими народами, главным образом казахами и киргизами. Наконец, цинское завоевание Джунгарии в 1755–1759 гг., последующие массовые миграции и произведенные уже в XX столетии китайскими властями Синьцзяна территориальные захваты обусловили наличие в провинции значительного ойратского населения, близкородственного российским калмыкам и западным бурятам.

С древних времен Синьцзян выступал в качестве связующего элемента в культурно-экономическом взаимодействии Китая и западных – согдийской, позже исламской, и европейской – цивилизаций. Пограничный характер отражен в китайском названии провинции 新疆, что в переводе с китайского означает «новая граница», «новый рубеж». Сквозь Синьцзян пролегал самый известный торговый маршрут Евразии – Шелковый путь. Традиция китайского протектората над этими территориями началась в период империи Западная Хань (с 60 г. до н. э. до начала I в. н. э.), затем на некоторое время прекратилась и возобновилась в период империи Тан (с середины VII в. н. э.). Через города-оазисы Таримской впадины в Китай в середине II в. до н. э. проник буддизм. В танское время отсюда же пришли манихейство и христианство несторианского толка. По Шелковому пути китайская культура получила виноград и вино, чеснок, кунжут, гранаты, огурцы и познакомила Запад с китайским имбирем, чаем, бумагой, фарфором и лаковыми изделиями. Огромные выгоды караванного маршрута через оазисы южного Синьцзяна обусловили его частый переход из рук в руки в ходе ожесточенных войн.

Окончательно власть Китая утвердилась в регионе в 1760 г. После уничтожения цинами Джунгарского ханства 2 разные в этническом, экономическом и культурном отношении области – Восточный Туркестан и Джунгария были объединены в особую военно-административную единицу – имперское наместничество Синьцзян в составе джунгарских округов Тарбагатай, Или, Урумчи, Баркуль, Каркараусу и восточно-туркестанских Кашгарского, Яркендского, Хотанского, Аксу-Ушского, Кучарского и Харашарского округов. В качестве профилактики мусульманских восстаний цинские военные власти практиковали массовые переселения жителей оазисов Восточного Туркестана на север, главным образом в долину р. Или (район г. Кульджа). Туда же маньчжуры переселили из-под Пекина часть монгольского племени чахаров. Обезлюдевшие джунгарские степи были заселены казахами, дунганями, китайскими поселенцами и калмыками-торгутами, бежавшими из Российской империи в 1771 г. Так, Синьцзян обрел свою многонациональность, в будущем ставшую фактором политической нестабильности в регионе.

Еще со времен Джунгарского ханства русское население сопредельных сибирских областей установило с ойратами тесные торговые связи. После цинского завоевания торгово-экономические отношения с народами Синьцзянской провинции постепенно крепились. Высшей точки они достигли в последней четверти XIX в., когда в результате российской экспансии в Центральной Азии почти весь Синьцзян оказался в зоне русского экономического влияния. В конце XIX – начале XX в. на долю России приходилось свыше 75 % его внешнеторгового оборота. Основными статьями импорта из Синьцзяна являлись хлопок, овечья и верблюжья шерсть, барашковые, козьи, барсовые и тигровые шкуры, меха, крупный рогатый и мелкий скот, лошади.

В 1851 г. на основании Кульджинского трактата в провинции открылись 4 русских консульства: в Кашгаре, Урумчи, Кульдже и Чугучаке. До начала XX в. русские консулы в Синьцзяне, наряду с посланником в Пекине, являлись единственными официальными представителями России в Цинской империи, активно отстаивая российские интересы в этом регионе [Чернышева 2015: 595]. В решении вопросов двусторонних отношений они обладали высокой автономностью. Поэтому для работы там отбирались наиболее опытные дипломаты. Благодаря их успешной деятельности права и привилегии русских подданных в Синьцзяне существенно расширились. Так, по Петербургскому трактату 1881 г. русские получили право экстерриториальности и беспошлинной торговли во всем «Западном Застенном Китае» (старое официальное название Синьцзяна в русских документах) [Там же; Бармин и др. 2016: 221].

Таким образом, к концу XIX в. Синьцзян стал важным экономическим партнером России в трансграничном Центрально-Азиатском регионе. Между тем в политическом плане это была наиболее турбулентная часть Цинской империи. После того как в 1862 г. в китайских провинциях Ганьсу и Шэньси началось мощное дунганское восстание, Синьцзян оказался отрезанным от цинской метрополии и китайская власть там быстро пала. В 1863–1866 гг. на его территории возникло 5 теократических мусульманских государств, а в 1867 г. кокандский полководец Якуб-бек, прибывший на помощь кашгарским повстанцам, основал государство Йеттишар (Семиградие) со столицей в Кашгаре. К 1870 г. он сломил сопротивление других лидеров мусульманских повстанцев и объединил под своей властью весь Восточный Туркестан.

В ответ на проводившиеся между Якуб-беком и Или-Таранчинским султанатом переговоры о воссоединении с государством Йеттишар Российская империя временно ввела войска на территорию Илийского края. Этим шагом Российское правительство стремилось обезопасить свой стратегически важный рубеж, предотвратив объединение севера и юга Восточного Туркестана в единое исламское государство, оказывало помощь цинам и противодействовало своим основным соперникам – Османской империи и Великобритании, симпатизировавшим Якуб-беку. После подавления цинскими войсками дунганского восстания в Центральном Китае, смерти Якуб-бека в 1877 г. и уничтожения государства Йеттишар в 1878 г. династия Цин восстановила свой контроль над Синьцзяном. В 1881–1883 гг. русские войска полностью покинули Илийский край, а в 1884 г. усмиренные территории были объединены в провинцию Синьцзян со столицей в Урумчи. Десятки тысяч мусульман были вынуждены переселиться на российские территории в Средней Азии.

Падение Цинской империи в 1911 г. подтвердило то, что политическая стабильность в Синьцзяне была лишь временным явлением. В январе 1912 г. в Кульдже началось восстание, сопровождавшееся убийствами маньчжурских чиновников, в результате которого выделился китайский офицер Ян Цзэнсинь (1867–1928), впоследствии ставший дучжоном (губернатором) Синьцзяна. В Кульджу и Кашгар для охраны консульств были введены русские и британские войска. Они были выведены в 1913–1914 гг., когда Ян Цзэнсиню удалось подавить все восстания и установить контроль над всей территорией провинции. В этот период губернатор сумел при дипломатической поддержке России подавить сепаратистские выступления монголов в северо-восточном Синьцзяне и даже отторг у Западной Монголии Алтайский округ.

Опыт мусульманских восстаний в Синьцзяне показал, что повстанцы рассматривали Российскую империю как потенциального союзника и плацдарм для возможного отступления. Упрочению положительного образа России способствовали обширные социально-экономические связи, этническое родство с населением рос-

сийских территорий и либеральное, по сравнению с Китаем, отношение к мусульманским повстанцам. Вместе с тем в политическом плане Россия последовательно выступала за территориальную целостность Китая и не оправдывала надежд антикитайских сил на поддержку сепаратизма. Дипломатическая стратегия дореволюционной России по отношению к Синьцзяну исходила из стратегических приоритетов и национальных интересов в Центральной Азии и строго учитывала особенности внутривнутриполитической ситуации в провинции [Мавлонова 2013: 54]. Эта линия была продолжена и в советский период.

Экономическая изоляция и хаос гражданской войны обусловили рост значения Синьцзяна в качестве поставщика важных сырьевых ресурсов и продовольствия. Противостоящие стороны конфликта боролись за поддержку синьцзянского дучюна. Дореволюционные русские консульства в Синьцзяне сохранили лояльность старому режиму и старались ограничить деятельность большевиков в провинции. Сам Ян Цзэнсинь сначала принял позицию «политики нейтралитета» (1918–1920), однако после разгрома Колчака и перехода на территорию Синьцзяна больших контингентов белогвардейцев под командованием атамана Оренбургского казачьего войска А. И. Дутова (1879–1921) он всерьез озаботился ухудшением ситуации на границе с Россией.

Это было вызвано тем, что интернированные белогвардейцы, сохранившие большую часть своего вооружения, продолжали борьбу с советской властью с территории Синьцзяна, грабили китайских подданных и даже объявили мобилизацию илийских таранчей в свои отряды. Опасное соседство с опытными и вооруженными белогвардейцами привело дучюна к переговорам с Советским правительством. В мае 1920 г. был подписан Илийский протокол, возобновивший экономические связи между Синьцзяном и Советской Россией, а в мае 1921 г. – соглашение с советским военным командованием о временном вводе войск Сибфронта и Туркфронта на территорию провинции для ликвидации белых войск генерала А. С. Бакича (1878–1922). Первая военная операция прошла летом 1921 г. и не имела особых результатов. Вторая операция, проведенная по новому соглашению от 12 сентября 1921 г. в сентябре-октябре, закончилась разгромом белогвардейских отрядов и вызвала положительную реакцию у Центрального китайского правительства, способствовавшую нормализации советско-китайских отношений.

Говоря о советско-синьцзянских отношениях в 1920-е гг., нельзя не упомянуть политический интерес, который большевики сначала испытывали к Синьцзяну как к потенциальному плацдарму для экспорта революции вглубь Азии. Разжигание революционных настроений в турбулентной мусульманской среде Восточного Туркестана формально соответствовало линии Коминтерна на поддержку национально-освободительных движений народов Китая, как это происходило в Монголии и Урянхае. По инициативе Туркбюро Коминтерна в Ташкенте был проведен I Всетуркестанский съезд уйгурских трудящихся. В результате был организован единый революционный союз Уйгур алтышаро-джунгарских рабочих, определены его задачи, избран Центральный комитет [Бармин 2015: 32]. Важным шагом было принятие по инициативе тюрколога С. Е. Малова (1880–1958) общего этнонима для обозначения всех тюркских народов региона: таранчи, кашгарлыки и тюркоязычные жители других оазисов были объединены под древним историческим именем уйгуров [Бармин и др. 2016: 223].

В сентябре 1922 г. I областной съезд уйгурских коммунистов и II областной съезд революционного союза «Уйгур» были проведены в Алма-Ате. В феврале 1923 г. в Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) поступила докладная записка заводделом национальных меньшинств ЦК РКП(б) Туркестана, председателя краевого бюро уйгур-

ских и дунганских коммунистов уйгура А. Розыбакиева, где он предлагал конкретный план создания революционной партии на территории Синьцзяна. Его развитием вскоре занялся Исполком Коминтерна.

Одним из деятелей Коминтерна, занимавшихся вопросом революционной организации синьцзянских народов, был бурят С. Нацов, находившийся в то время в Синьцзяне. Несмотря на отсутствие сомнений в необходимости революционной работы в провинции, С. Нацов предостерегал от торопливости в действиях и тем более от создания там независимого государства. Он считал недопустимым отрыв Синьцзяна от Китайской Республики в сложившейся международной обстановке, так как это привело бы к установлению международного контроля над Китаем, что «означало бы полнейшее закабаление Китая международным капиталом». Кроме того, преждевременное вооруженное выступление народов Синьцзяна потребовало бы реальной поддержки со стороны СССР, а это нанесло бы ущерб всей советской дипломатии в Китае [Бармин 2015: 34]. Осторожность и реалистичное понимание международной обстановки существенно отличали подход С. Нацова от геополитических выкладок другого бурятского представителя Коминтерна Э.-Д. Ринчино. Тот видел необходимость активизации революционной деятельности в Синьцзяне и планировал использовать для этого бурят и монголов.

По-видимому, не без участия Э.-Д. Ринчино помощь по созданию революционной партии в Синьцзяне пытались оказать монгольские революционеры. Они вели работу среди синьцзянских монголов. Тем не менее съезд революционных сил Синьцзяна в 1923 г. организовать не удалось, а важность установления дипломатических отношений СССР с Китайской Республикой перевесила доводы энтузиастов. Против планов создания Джунгарской и Кашгарской советских республик категорически выступил нарком иностранных дел Г. В. Чичерин [Бармин и др. 2016: 223]. В конце концов, взвешенное мнение специалистов, хорошо знавших внутриполитическую обстановку в Синьцзяне, возобладало. Советская политическая линия вернулась к развитию выгодных торгово-экономических связей с провинцией. 17 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное постановление по организации революционной работы в Синьцзяне, в котором любая деятельность или агитация по отторжению провинции от Китая признавалась крайне вредной и недопустимой [Бармин 2015: 35].

Сразу после подписания советско-китайского соглашения от 31 мая 1924 г. в октябре того же года правительства СССР и Синьцзяна подписали соглашение о немедленном учреждении консульств СССР в городах Урумчи, Кашгар, Кульджа, Чугучак и Шара-Сумэ, а также консульств Китая в Ташкенте, Алма-Ате, Семипалатинске, Зайсане и Андижане. Синьцзянские власти полностью вернули СССР консульское и другое имущество, ранее принадлежавшее России [Бармин и др. 2016: 226]. В провинции возобновилась активность советских торговых представительств и предприятий.

В 1928 г. дущюн Ян Цзэнсинь был убит в результате заговора. Новым губернатором стал китаец Цзинь Шужень (1879–1941), выходец из провинции Ганьсу. В его правление произошло радикальное изменение политики по отношению к мусульманам: новый дущюн перешел от строгого, но разумного удерживания к прямому давлению. Когда в 1930 г. скончался последний в мире чагатаид – правитель города Комула (кит. Хами) Максуд-шах, Цзинь Шужень решил упразднить вассальное ханство, навязав мусульманам прямую китайскую администрацию. Вдобавок, он начал отбирать земли у комульской знати и переселять туда голодающих земляков-ханьцев из провинции Ганьсу. Эта политика обозначила начало очередной агрессивной китайско-ханьской колонизации региона, инспирированной новым националисти-

ческим правительством Чан Кайши. Она сопровождалась притеснениями мусульман: запретом на выезд на хадж в Мекку, дискриминационной языковой политикой, поощрением браков китайцев и мусульманок, недопустимых с точки зрения исламских законов. В результате в конце 1930 г. в Комуле вспыхнуло уйгурское восстание под лозунгами панисламизма и пантюркизма [Абдуллаев 2009: 315–316]. Во главе комульских мусульман встал Ходжа Нияз, ранее служивший у Максуд-шаха. В районе Аксу восстание возглавили бывший водовоз Тимур и выходец из дехкан Низаметдин, ранее проживавший в СССР и обучавшийся в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) [Бармин и др. 2016: 227].

К лету 1931 г. правительственные войска загнали отряды Ходжи Нияза в горы Бадаши, и восставшие мусульмане начали искать поддержки у единоверцев-дунган в Ганьсу. В начале июня 1931 г. в Синьцзян прибыл молодой, но опытный мятежный дунганский генерал Ма Чжунъин (1910–1939?), командовавший 36-й дивизией народно-революционной армии Китая. У Ма Чжунъина была сложная и противоречивая политическая повестка: он был лоялен Нанкинскому правительству, но выступил против китайской власти в Синьцзяне, поддержав синьцзянских тюрков-мусульман в их джихаде против «неверной» власти Цзинь Шуженя. С подачи Чан Кайши Ма Чжунъин видел себя правителем Синьцзяна. Тем не менее он не мог добиться глубокого взаимопонимания между этнически неродственными единоверцами – тюрками и дунганями. По-разному видели свое политическое будущее уйгуры и другие тюрки-мусульмане Синьцзяна (алтайские казахи, тянь-шаньские киргизы и др.). Монголы же оставались нейтральными.

Несмотря на внутривнутриполитические различия, впоследствии сыгравшие роковую роль в мусульманском восстании 1931–1934 гг., поначалу Ма Чжунъину удалось объединить силы повстанцев и добиться больших успехов. Однако вскоре на стороне Цзинь Шуженя выступили оставшиеся в провинции белогвардейские отряды; губернатору Синьцзяна удалось также заручиться поддержкой Советского правительства, направившего в августе 1931 г. в Урумчи большую партию оружия. В благодарность за поставку вооружений СССР было разрешено открыть торгпредства в восьми крупных городах Синьцзяна [Там же: 229]. Раненному в бою Ма Чжунъину пришлось отступить в Ганьсу.

В начале 1933 г. Ма Чжунъин возвратился в Синьцзян, и его повстанцы начали одерживать победу не только над правительственными войсками, но и противостоявшими дунганам фракциями уйгуров и киргизов. В январе 1933 г. повстанцы Ма Чжунъина начали штурм Урумчи, поголовно уничтожая китайское население. В ходе резни и обстрелов было убито более 20 тыс. чел. От полного разграбления и уничтожения город спасли 300 белогвардейцев под командованием полковника Паппенгута. Вступив в бой 21 февраля 1933 г., они опрокинули повстанцев и сняли осаду с города [Абдуллаев 2009: 322–323]. Во время снятия осады китайские правительственные войска с особой жестокостью расправлялись с мирными мусульманами, вырезав около 6 тыс. чел. Медицинскую помощь оставшемуся в живых населению города оказывали европейские миссии и медпункт при советском консульстве [Башкуев 2016: 367–369].

К весне 1933 г. повстанческое движение охватило всю Синьцзянскую провинцию. В марте 1933 г. восстали горняки-золотодобытчики Хотана. Был провозглашен независимый Хотанский эмират. В июле отделение эмирата было основано в Кашгаре, превратившемся в самостоятельный центр власти в провинции. В апреле 1933 г. в результате переворота в Урумчи ненавистный тюркам Цзинь Шужень был смещен. К власти пришел маньчжур, полковник Шэнь Шицай. Он взял старый титул военного губернатора (дубань) и начал переговоры с Ходжой Ниязом, одним из

основных лидеров уйгурских повстанцев. В итоге Шэнь Шицай склонил его к переходу в правительственный лагерь и выступлению против Ма Чжуньина, не желавшего видеть в уйгурах равноправных соратников. На стороне Ходжи Нияза и правительственных войск выступили казахи Алтайского округа и карашарские монголы.

Параллельно дубань вел переговоры с Ма Чжуньином, но договориться о перемирии не сумел. Военные действия между правительственными войсками и дунганцами продолжились. Тем временем в ноябре 1933 г. в Кашгаре правительством «хотанских эмиров» была провозглашена независимая Тюркская Исламская республика Восточный Туркестан (ТИРВТ), главой которой заочно был избран Ходжа Нияз, а основополагающим документом стала шариатская конституция. Лидеры ТИРВТ сразу стали добиваться признания мятежной республики Турцией, Великобританией и Афганистаном. Были установлены связи с мусульманами Индии, японцами, германским посольством в Кабуле. Начались попытки добиться британского протектората.

Такое развитие ситуации серьезно обеспокоило Москву. Особенно неприятными были известия о том, что на призывы уйгуров в Хотан и Кашгар начали активно стягиваться бывшие ферганские и бухарские басмачи, турецкие националисты и прочие враждебные СССР элементы. Определенные опасения вызывали попытки уйгурских националистов уйти под покровительство геополитических противников Советского Союза – Японии, Великобритании и Германии, переговоры с которыми велись представителями ТИРВТ, и возможность образования в Синьцзяне лояльного Японии марионеточного государства по образцу Маньчжоу-го. Кроме того, Кремль совершенно не желал возникновения на сопредельной территории очага пантюркистской националистической идеологии, способной возродить басмачество в не так давно умиротворенной Средней Азии [Абдуллаев 2009: 334; Мавлонова 2013: 55; Бармин и др. 2016: 230–231].

Поэтому когда синьцзянский дубань обратился с просьбой о военной помощи к СССР, прибыв с визитом в Москву в декабре 1933 г., Советское правительство приняло решение о введении на территорию провинции так называемой Алтайской добровольческой армии, состоявшей из частей ОГПУ, переодетых в русскую форму старого образца без опознавательных знаков. В начале 1934 г. «алтайцы» обрушились на осаждавшую Урумчи в третий раз армию Ма Чжуньина. В оперативном подчинении у советского командования находились вооруженные советским оружием белогвардейцы и торгутская кавалерия. С воздуха операция поддерживалась самолетами без опознавательных знаков, а с земли – броневиками. Повстанцы были смяты, разбиты и рассеяны.

Помогая Шэнь Шицаю, Советское правительство вело двойную игру. Поддержка китайских властей в борьбе против мусульманских повстанцев шла вразрез с идеологической линией Коминтерна, постулировавшей помощь национально-освободительному движению народов Азии. Поэтому к побежденным синьцзянским мусульманам был разработан особый подход. Лидерам восстания предполагалось предоставить убежище в СССР и использовать их против китайцев, когда для этого настанет час [Абдуллаев 2009: 319]. После разгрома ТИРВТ дунганцами и падения Кашгара в феврале 1934 г. в СССР бежал Ходжа Нияз, вскоре заявивший об официальном роспуске вооруженных отрядов республики. 10 июля 1934 г. на советскую территорию перешел и был интернирован Ма Чжуньин с группой соратников. На требование о выдаче вождя мятежников Шэнь Шицай получил от Кремля категорический отказ [Бармин и др. 2016: 231]. Однако в дальнейшем следы Ма Чжуньина теряются – до сих пор неизвестно, какая судьба постигла дунганского генерала в СССР, где и когда закончился его жизненный путь.

Шэнь Шицай, ставший полновластным хозяином провинции после подавления восстания 1930–1934 гг., провозгласил принцип равноправия национальностей Синьцзяна и начал прогрессивные реформы. «Шесть принципов» новой политики синьцзянского правительства предусматривали борьбу с империализмом, дружбу с СССР, расовое и национальное равенство, борьбу с произволом и взяточничеством, борьбу за мир и строительство нового Синьцзяна. Дубань ввел во власть представителей различных неханьских национальностей. На начальном этапе своего правления он также поощрял самоорганизацию народных масс: в апреле 1934 г. состоялся I Всесиньцзянский съезд представителей народных масс; в 1936 г. – съезд представителей казахов и киргизов, а в 1937 г. – представителей монголов. Важным аспектом деятельности Шэнь Шицай была модернизация социальной инфраструктуры, развитие образования и культуры Синьцзяна [Гуань 2015: 121–122].

На протяжении 1930-х гг. Синьцзян продолжал играть важную роль в развитии советской экономики, а его геополитическое значение возрастало пропорционально росту японской агрессии в Восточной Азии. Советско-синьцзянская граница составляла около 2 тыс. км. В непосредственной близости от нее на территориях Казахстана, Урала и Западной Сибири находились ключевые предприятия советской промышленности. Богатая полезными ископаемыми Синьцзянская провинция была важна в качестве источника сырья, а в случае размещения там войск вероятного противника у СССР практически не оставалось бы безопасных территорий.

С началом открытой войны между Японией и Китаем в 1937 г. роль Синьцзяна в азиатской геополитике СССР еще более возросла. В условиях, когда японский военно-морской флот контролировал китайское побережье, а восточное сухопутное направление было заблокировано марионеточными государствами Маньчжоу-го и Мэнцзян, путь через Синьцзян оставался единственной возможностью регулярного снабжения правительства Чан Кайши советской военной и экономической помощью. Поэтому правительство СССР всеми силами старалось поддерживать хорошие отношения с Шэнь Шицаем. Тот в свою очередь демонстрировал знаки лояльности, вступив в 1934 г. в ВКП(б) и создав режим наибольшего благоприятствования советским предприятиям и учреждениям во второй половине 1930-х гг. При этом Москва много раз открыто заявляла о нежелательности какой-либо советизации Синьцзяна и заинтересованности исключительно в развитии торгово-экономических отношений [Соколов 2011: 164].

К началу 1939 г. в Китай было направлено до 5 тыс. советских военных советников, инструкторов, летчиков-добровольцев [Мировицкая 2010: 244]. С октября 1937 по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов. Основная часть советских поставок осуществлялась через Синьцзян. В сентябре 1939 г. было подписано соглашение об установлении прямой авиалинии Алма-Ата – Хами [Соколов 2011: 170]. Месяцем раньше уполномоченные Советского и Китайского правительств подписали протокол о строительстве в Урумчи самолетосборочного завода, полностью вступившего в строй 5 июня 1942 г., что ознаменовало собой начало реализации проекта развития национальной экономики в Китае [Мировицкая 2010: 244].

Однако атмосфера максимального благоприятствования продолжалась недолго. С началом Великой Отечественной войны отношение Шэнь Шицай к СССР стало ухудшаться. Этому способствовало общее направление политики Чан Кайши, сменившего ориентиры с СССР на США после того, как в декабре 1941 г. И. В. Сталин отказался объявлять войну Японии. Кроме того, нападение Германии на СССР и неблагоприятный для Советского Союза ход военных действий в начальный период серьезно поколебали уверенность синьцзянского дубаня в способности Москвы

противостоять Гитлеру [Соколов 2011: 174]. Несмотря на то что в 1942 г. на полную мощность заработали самолетосборочный завод в Урумчи и нефтеперегонный завод в Тушанцзы, режим максимального благоприятствования для советских организаций в Синьцзяне сворачивался. Шэнь Шицай предпочел укрепление отношений с Чунцинским правительством. В 1943 г. Советское правительство постановило отозвать из Синьцзяна всех инструкторов, советников и специалистов, работавших на Китайское правительство, закрыть и вывезти в СССР заводы, свернуть деятельность «Совсиньторга» [Там же: 180].

В период ухудшения отношений с Шэнь Шицаемгодились старые советские связи с мусульманскими повстанцами. В середине 1940-х гг. реформаторская политика дубаня окончательно выродилась в жестокую тиранию, а разрыв экономических отношений с СССР болезненно ударил по синьцзянской экономике. Скотоводы и крестьяне потеряли стабильный рынок сбыта своей продукции, число прямых налогов достигло 22, их сумма увеличилась в 7–8 раз с 317 синьцзянских дол. в 1937 г. до 2419 в конце 1944 г. Правительство Шэнь Шицайя прибегло к открытому грабежу населения; в провинции прекратились торговля и оборот стремительно обесценивающихся дензнаков. Население перешло на натуральный обмен. Культурная жизнь в Синьцзяне замерла.

В ноябре 1944 г. в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, населенных преимущественно тюрками-мусульманами и монголами, вспыхнуло мощное восстание. Его спровоцировали реквизиции лошадей на военные нужды и бедственное положение скотоводов-кочевников после прекращения трансграничных торгово-экономических связей. Уже 15 ноября 1944 г., после взятия повстанцами Кульджи, в регионе была провозглашена Восточно-Туркестанская республика (ВТР). СССР оказал ей активную материальную и военно-техническую поддержку и вскоре армия ВТР начала угрожать столице Синьцзяна Урумчи. Однако в конце июля – августе 1945 г. руководство СССР приостановило военную помощь ВТР, отозвало из ее войск инструкторский состав и стало призывать правительство Восточно-Туркестанской Республики к переговорам с властями Синьцзяна. Резкая смена советского политического вектора была связана с объявлением 8 августа 1945 г. войны Японии, подписанием 14 августа того же года Договора о дружбе и союзе с Китаем и декларацией об отсутствии намерений вмешиваться во внутренние дела Китая в специальной дипломатической ноте, врученной членам Китайского правительства в день подписания договора [Бармин и др. 2016: 239–240].

Заставив лидеров мусульманских повстанцев сесть за стол переговоров с правительством Чан Кайши, СССР снял острую фазу противостояния в северных районах Синьцзяна. В 1946 г. было организовано коалиционное правительство, взявшее провинцию под совместное управление. Часть повстанческих лидеров была вывезена в СССР. По мнению А. С. Мавлоновой, советские политические манипуляции лидерами мусульманского сопротивления имели под собой веское основание: руководство СССР не желало иметь у своих границ независимое исламское государство, на которое могли бы ориентироваться сепаратистские элементы в советской Средней Азии. К тому же шансы Чан Кайши в борьбе с коммунистами были малы, а рисковать ухудшением отношений с китайскими коммунистами из-за Синьцзяна не хотелось [Мавлонова 2013: 57].

В последние годы гоминьдановской власти в Синьцзяне Чан Кайши пытался назначать губернаторов из лидеров уйгурского сопротивления, но это уже не имело значения, так как близилась победа коммунистов. В сентябре 1949 г. назначенный Чан Кайши губернатором казанский татарин Бурхан Шахида (Шагидуллин) присягнул на верность КПК. Остатки руководства ВТР, находившиеся в СССР, срочно

вылетели из Алма-Аты в Пекин 24 августа 1949 г., но в районе Байкала самолет разбился и все летевшие на нем погибли.

В 1955 г. провинция Синьцзян превратилась в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, который возглавил Сайфутдин Азизи, бывший министр образования Восточно-Туркестанской республики [Бармин и др. 2016: 242]. СССР некоторое время пытался сохранить свое политическое и экономическое присутствие в регионе, заключая с руководством КНР соглашения о создании совместных советско-китайских акционерных обществ по освоению минеральных ресурсов. Однако к концу 1950-х гг. сотрудничество прекратилось из-за растущей политической напряженности между Москвой и Пекином.

Таким образом, в период с конца XIX по первую половину XX в. западная китайская провинция Синьцзян играла важную роль как в геополитическом положении России/СССР в Центрально-Азиатском регионе, так и в экономическом развитии сопредельных российских и советских территорий. Это была огромная по протяженности буферная зона, отделявшая российскую Среднюю Азию от Британской Индии, а также территория шаткого политического господства Китая, препятствовавшего распространению панисламистской и пантюркистской идеологии в российские пределы. Поочередно манипулируя противоборствующими политическими повестками, можно было воздействовать на ту или иную сторону китайско-мусульманского конфликта в зависимости от расстановки геополитических сил и внешнеполитической повестки на определенный момент времени. Однако на протяжении практически всего изучаемого периода как царская Россия, так и СССР последовательно придерживались политики сохранения территориальной целостности Китая. Они старались максимально использовать выгоды трансграничного экономического и культурного сотрудничества, сдерживать развитие в регионе деструктивного пантюркизма и панисламизма и не допускать здесь создания марионеточного исламского государства.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9).

Литература

Абдуллаев К. Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века / К. Н. Абдуллаев. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 571 с.

Бармин В. А. К вопросу о причинах провала деятельности Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 20-х гг. XX в. / В. А. Бармин // Востокведные исследования на Алтае. – 2015. – № 9. – С. 32–35.

Бармин В. А. Синьцзян: очерк истории региона / В. А. Бармин, С. В. Дмитриев, В. Г. Шматов // Общество и государство в Китае. – 2016. – Т. 46. – № 21–22. – С. 209–244.

Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX в.) / В. Ю. Башкуев; науч. ред. Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2016. – 436 с.

Гуань Ю. П. Штрихи к политическому портрету Шэн Шицяя / Ю. П. Гуань // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/vost/13.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).

Мавлонова А. С. Основные направления политики России в Синьцзяне / А. С. Мавлонова // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 52–59.

Мировицкая Р. А. Китайская провинция Синьцзян в советско-китайских отношениях (1930–1940-е годы) / Р. А. Мировицкая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2010. – № 15. – Т. 15. – С. 237–247.

Соколов В. В. Секретная миссия В. Г. Деканозова в Урумчи (Синьцзян) в 1942 году / В. В. Соколов // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 162–180.

Чернышева Е. В. Русские подданные в Синьцзянской провинции в конце XIX – начале XX века (по сообщению консула Н. В. Богоявленского) / Е. В. Чернышева // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: мат-лы XIV междунар. науч. конф. Ч. 2 (Иваново, 18–19 марта 2015 г.). – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. – С. 594–599.

References

Abdullaev K. N. Ot Sin'czyana do Horasana. Iz istorii sredneaziatskoj emigracii XX veka / K. N. Abdullaev. – Dushanbe: Irfon, 2009. – 571 s.

Barmin V. A. K voprosu o prichinah provala deyatel'nosti Kominterna po sozdaniyu revolyucionnoj partii v Sin'czyane v 20-h gg. XX v. / V. A. Barmin // Vostokovednye issledovaniya na Altae. – 2015. – № 9. – S. 32–35.

Barmin V. A. Sin'czyan: ocherk istorii regiona / V. A. Barmin, S. V. Dmitriev, V. G. Shmatov // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. – 2016. – T. 46. – № 21–22. – S. 209–244.

Bashkuev V. Yu. Rossijskaya medicina i mongol'skij mir: istoricheskij opyt vzaimodejstviya (konec XIX – pervaya polovina XX v.) / V. Yu. Bashkuev; nauch. red. L. V. Kuras. – Irkutsk: Otisk, 2016. – 436 s.

Guan' Yu. P. Shtrihi k politicheskomu portretu Shen Shicaya / Yu. P. Guan' // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://new.hist.asu.ru/biblio/vost/13.pdf> (data obrashcheniya: 02.02.2017).

Mavlonova A. S. Osnovnye napravleniya politiki Rossii v Sin'czyane / A. S. Mavlonova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – № 3. – S. 52–59.

Mirovickaya R. A. Kitajskaya provinciya Sin'czyan v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1930–1940-e gody) / R. A. Mirovickaya // Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremenost'. – 2010. – № 15. – T. 15. – S. 237–247.

Sokolov V. V. Sekretnaya missiya V. G. Dekanozova v Urumchi (Sin'czyan) v 1942 godu / V. V. Sokolov // Novaya i novejšaya istoriya. – 2011. – № 3. – S. 162–180.

Chernysheva E. V. Russkie poddannye v Sin'czyanskoj provincii v konce XIX – nachale XX veka (po soobshcheniyu konsula N. V. Bogoyavlenskogo) / E. V. Chernysheva // Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vv.: mat-ly XIV mezhdunar. nauch. konf. Ch. 2 (Ivanovo, 18–19 marta 2015 g.). – Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. – S. 594–599.